

Научная статья

УДК: 34.03

JEL: K36

DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.162.179

Советская семейно-демографическая политика в памятниках права периода Великой Отечественной войны

Владимир Анатольевич Болдырев¹,
Денис Николаевич Кархалев²

¹ Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал, Санкт-Петербург, 197046, Александровский парк, 5, Российская Федерация

vabold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1454-6886>

² Сибирский федеральный университет, Россия 660041, Красноярск, Свободный просп., 79,

dnk001rb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1822-2141>

Аннотация

Обращение к советскому опыту решения демографической проблемы, возникшей в период Великой Отечественной войны, обусловлено новейшими решениями российского государства: принятием Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, восстановлением в наградной системе звания «Мать-героиня», объявлением года семьи. Цель работы — оценить влияние на социум законотворческих решений, принятых для улучшения демографической ситуации в период Великой Отечественной войны, с позиции современных научных представлений о потребностях человека. Задачи исследования: описание и характеристика новых правовых мер в области демографии, установление влияния законотворческих решений на семейные ценности для определения перспектив их использования на современном этапе. В работе используются историко-правовой, формально-догматический, статистический и сравнительный методы исследования. Анализируются меры, на-

правленные на стимулирование рождаемости: налог на бездетность; материальная поддержка многодетных семей и матерей-одиночек; отмена права на иск об установлении отцовства; усложнение процедуры расторжения брака; моральное поощрение материнства. Делается вывод, что демографическая политика была нацелена на стимулирование репродуктивного поведения за счет игры на витальных и ролевых потребностях человека. Проблема внебрачной беременности и рождения ребенка стала проблемой женщины и общества, но не биологического отца. Выработанная правовая стратегия была альтернативой узаконению многоженства, она стимулировала множественность фактических семейных отношений. Потребность саморазвития, ценность непосредственной передачи отцовского опыта детям в рамках избранной стратегии оказалось практически невозможно предусмотреть. Советскую политику стимулирования деторождения трудно назвать семейной по ее сути: запрет иска об установлении отцовства и другие правовые меры поощряли репродуктивное поведение, приводящее к увеличению количества неполных семей и передаче детей на воспитание детским учреждениям. Изменение общественной морали — проявление терпимости в отношении мужчин, безразличных к судьбе потомства, приведшее к усугублению проблемы безотцовщины, стало побочным результатом радикального пересмотра семейного законодательства.

Ключевые слова

демографическая политика; многодетность; безотцовщина; когнитивная история; прославление; витальные и биосоциальные потребности; саморазвитие.

Для цитирования: Болдырев В.А., Кархалев Д.Н. Советская семейно-демографическая политика в памятниках права периода Великой Отечественной войны // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024. Том 17. № 3. С. 162–179. DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.162.179

Research article

Soviet Family and Demographic Policy in Landmarks of Law in Great Patriotic War Period

Vladimir A. Boldyrev¹, Denis N. Karkhalev²

¹ Russian State University of Justice, North-Western Branch, 5 Aleksandrovky Park, Saint Petersburg 197046, Russian Federation, vabold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1454-6886>

² Siberian Federal University, 79 Svobodny Avenue, Krasnoyarsk 660041, Russian Federation, dnk001rb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1822-2141>

Abstract

The appeal to the experience of the Soviet Union in solving the demographic problem that arose during the Great Patriotic War of 1941–1945 due to the latest decisions of the

Russian state: the approving the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, the restoration of the title “Mother Heroine” in the award system, the announcement of the Year of the Family. The purpose of the work is to assess the impact on society of legislative decisions taken to improve the demographic situation during the Great Patriotic War, from the standpoint of modern academic ideas about human needs. The objectives of the study are: description and characterization of new legal measures in the field of demography, establishing the impact of legislative decisions on family values in order to determine the prospects for their use at the present stage. The authors implement historical-legal, formal-dogmatic, statistical and comparative research methods. The measures taken to stimulate the birth rate are analyzed: a tax on childlessness; financial material support for families with many children and single mothers, the abolition of the right to claim to establish paternity; complicating the divorce procedure; moral encouragement of motherhood. It is concluded that the demographic policy was aimed at stimulating reproductive behavior by playing on the vital and role needs of a person. The issue of illegitimate pregnancy and the birth of an illegitimate child has become a problem for women and society as a whole, but not for the biological father. The developed legal strategy was an alternative to the legalization of polygamy and stimulated the plurality of actual family relationships. The need for self-development, the value of personal transfer of father’s experience to children within the framework of the chosen strategy turned out to be almost impossible to take into account. Soviet procreation policies can hardly be called familial one: the prohibition of paternity suit and other legal measures encouraged reproductive behavior, leading to an increase in the number of single-parent families and the placement of children in child care institutions. The change in public morality — the manifestation of tolerance towards men who are indifferent to the fate of their offspring, which led to the aggravation of the question of fatherlessness — was a “side effect” of the radical novelization of family law and changes in the norms on the social security of citizens.

Keywords

demographic policy; large families; fatherlessness; cognitive history; glorification; vital and biosocial needs; need for self-development.

For citation: Boldyrev V.A., Karkhalev D.N. (2024) Soviet Family and Demographic Policy in the Landmarks of Law in the Great Patriotic War Period. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 3, pp. 162–179 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.162.179

Введение

Правовые источники — нормативные акты и иные официальные документы, выполняющие роль программ, описывающих необходимое, желательное и запрещенное поведение, — это ценные объекты анализа для исторической науки, нередко вызывающие трудности с их интерпретацией вследствие выхода действительности за рамки позитивного права. Исследование нормативных актов в их неразрывной связи с практикой имеет более или менее понятную и про-

веренную методологию, когда есть цифры для анализа —правоприменительная практика, в той или иной мере отражающая положение дел. Труднее с статистическими данными и предшествовавшими им правовыми решениями, между которыми удается найти лишь корреляционную зависимость, особенно когда речь заходит о личной сфере или интересах малых социальных групп, в том числе и связанных с пониманием семейных ценностей.

Идеи о моральном и аморальном, добре и зле «должны быть “вплетены” в самую ткань законодательства, а не выполнять лишь “декоративную” функцию в общих положениях» [Ульянова М.В., 2022: 669] закона. Основы государственной политики сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹ называют деструктивной идеологией такую систему взглядов, в которой отрицаются идеалы «патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений». Сложившаяся разница понятий о семейных ценностях в России и других странах Европы, различные параметры адекватной состоянию общества новеллизации права отмечается в совместных научных исследованиях российских и зарубежных авторов [Вударски А., Ульянова М.В., 2022: 161].

Сегодня сбережение детства и развитие институтов семьи являются ведущими идеалами и ценностями отечественной государственной социальной политики [Комиссарова Е.Г., 2021: 149]. В то же время семейно-демографическая политика, включающая мероприятия, направленные на решение демографических проблем и укрепление семьи, имеет конкретно-историческое содержание [Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. и др., 2021]; [Шульц М., 2021]; [Лян Х., 2019] и определяется нависшими над социумом и осознаваемыми им угрозами. Меры, принимаемые в ее рамках, не должны быть противоречивы; иначе, как показывает исторический опыт, за улучшением демографической ситуации в результате принятия государством неординарных мер, вызванных обстоятельствами чрезвычайного характера, следуют немедленные и отсроченные отрицательные последствия для института семьи.

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977. См. также: Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СПС КонсультантПлюс.

Возрастание историзма массового сознания, его стремление в критических ситуациях обратиться к общечеловеческому опыту [Медушевская О.М., 2004: 6] объясняет причины, по которым методология, характерная для когнитивной истории и правоведения, оказывается востребованной именно сегодня. Период Великой Отечественной войны и послевоенный период вплоть до конца 1960-х годов интересен широким набором мер стимулирования рождаемости. Влияние каждой из них на их результаты и последствия определить трудно. Период депрессии воспроизводства населения в СССР длился до мая—июня 1945 г., когда наметилась тенденция к подъему рождаемости [Корнилов Г.Е., 2021: 344].

Война не только нанесла жестокий демографический удар советскому народу, но и привела к психологической травме нескольких поколений [Сомов В.А., Волкова Е.С., 2022: 1041]. Вопрос о глубине очередной в XX веке последовавшей за коллективизацией и индустриализацией ломки жизненных устоев граждан советской России, о трансформации понятий, касающихся семейных ценностей и прежде всего — супружеской верности и полной семьи, стоит отдельно и очень остро. Гибель на фронтах Войны значительной части мужского населения привела к высокой конкуренции женщин в репродуктивной сфере.

Основными нормативными решениями, вызванными демографической ситуацией в стране, были: налог на бездетность; материальная поддержка многодетных семей и матерей-одиночек, отмена права на иск об установлении отцовства; усложнение процедуры расторжения брака; моральное поощрение материнства.

1. Налог на бездетность

Данный налог был введен через несколько месяцев после начала военных действий на территории Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21.11.1941 «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР». Несмотря на существенные потери страны убитыми, ранеными и пленными в первые же дни войны, введение названного налога правильнее считать частью фискальной политики, а не мерой, направленной исключительно на улучшение демографической ситуации [Asadova O.H., 2023: 48].

Налогом облагались по общему правилу одинокие и семейные граждане, не имеющие детей: мужчины 20—50 лет и женщины 20—45 лет (при месячном заработке до 150 руб. — в размере 5 руб. в месяц, при месячном заработке свыше 150 руб. — в размере 5% заработка).

О стимулирующей функции такого рода налогов М. Цветанова, анализирующая легитимность налога на холостяков, существовавшего в социалистической Болгарии, отмечает, что «налогообложение вряд ли является важным фактором при рождении, учитывая обязательства, которые следуют после рождения» [Цветанова М., 2022: 114].

«Налог на бездетность» как правовая категория в нормативном акте отсутствовал изначально. С момента принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» (далее — Указ 1944 г.) его простонародное название утратило смысл, поскольку государство сообщало гражданам «норматив» деторождения — три ребенка и не меньше. С граждан, облагаемых подоходным налогом, налог взимался при отсутствии детей — 6% от их дохода, при одном ребенке в семье — 1% и при наличии двух детей — 0,5% от их дохода.

Налоговое законодательство в наши дни используется для стимулирования деторождения; оно может повышать доход или социальную защищенность граждан наряду с мерами социальной защиты, такими как медицинская страховка [Bernhardt P., Holtzblatt J., 2008: 160]. В основу российской налоговой политики в данной области положен принцип положительного стимулирования (создания преимуществ) [Журавлева О.О., 2021: 92], при котором лицо, имеющее детей, получает право на налоговый вычет². Выравнивание доходов за счет снижения налогов для семей и лиц с детьми, а не путем обложения повышенными налогами неженатых и бездетных, а также за счет прогрессивного налогообложения кажутся ныне самим собой разумеющимся [Цветанова М., 2022: 117–118]. Однако к такому выводу можно было прийти, лишь пройдя определенный исторический путь.

2. Материальная поддержка многодетных семей и матерей-одиночек

Указ 1944 г. начинался с преамбулы, призванной подчеркнуть общественную роль материнства и многодетности в период войны.

---

² Подп. 4 п. 1 ст. 218 части второй Налогового кодекса Российской Федерации // СПС Консультант Плюс.

Единовременное пособие при рождении ребенка имело прогрессивную шкалу: если в связи с появлением третьего ребенка государство платило 400 рублей, то в связи с появлением 11-го — 5 000 рублей.

Ежемесячное пособие многодетным матерям выплачивалось начиная со второго года рождения четвертого и последующих детей до достижения ими 5-летнего возраста. Пособие также имело прогрессивную шкалу. При появлении четвертого ребенка размер ежемесячного пособия составлял 80 рублей, при появлении 11-го и последующих детей — 300 рублей.

Высокий слог преамбулы Указа 1944 г. контрастировал с характером решаемых бытовых проблем. Чтобы понять это, достаточно сравнить размеры назначаемых матерям единовременного и ежемесячного пособия, централизованно установленного императивным указанием государства, с ценами на продукты, продававшимися на рынках («толкучках») в военный период. Статистические данные стоимости продовольствия отличаются в зависимости от региона [Кусков С.А., 2011].

Нетрудно рассчитать, что например в промышленном центре Южного Урала—Челябинске на единовременное пособие по рождению третьего ребенка (400 руб.) по ценам 1945 г. можно было приобрести только 20 литров молока или два килограмма топленого масла. Однако государство рассчитывало стимулировать рождаемость, используя не только рыночные меры, но и административные механизмы. Нормы дополнительного продовольственного пайка беременным, начиная с шестого месяца беременности, и кормящим матерям в течение четырех месяцев кормления увеличивались вдвое.

Государство частично взяло на себя материальную нагрузку, связанную с рождением детей вне брака. Одиноким матерям (не состоявшим в браке) на содержание и воспитание детей, родившихся после издания Указа 1944 г., устанавливалось государственное пособие в размере 100 рублей в месяц на одного ребенка; 150 рублей — на двух детей и 200 рублей — на трех и более детей. Выплаты осуществлялись до достижения детьми 12-летнего возраста. Одиноким матерям с тремя и более детьми данное пособие выплачивалось дополнительно к пособию по многодетности. При вступлении одинокой матери в брак право на пособие сохранялось. В то же время устанавливались правила, в силу которых одинокая мать могла поместить в детское учреждение рожденного ею ребенка на воспитание за государственный счет и взять его обратно.

Поскольку функции отцовства и материнства тесно пересекаются с функциями группового лидерства или подчинения [Симонов П., 2023: 27], сообщенная гражданам возможность помещать ребенка в

детское учреждение и забирать его оттуда сказывалась на понятиях о ролевых отношениях, приводила к дальнейшему отходу от ценностей традиционной семьи, трансформировала понятия об иерархии в социуме и о моральной ответственности родителя.

3. Отмена права на иск об установлении отцовства

Препятствия, связанные с осуществлением субъективных прав отцов, в настоящее время являются в большей мере объектом внимания социологов [Зыков С.В., 2020: 45], нежели юристов. Вероятно, одной из многих причин тому был особый укорененный в послевоенный период подход к отцовству как явлению юридической жизни. Упоминание мужчин во всем тексте Указа 1944 г. встречалось только один раз и в весьма любопытном ключе, изменяющем восприятие всей системы новых узаконений. Норма ст. 20 по юридико-техническому исполнению и смыслу звучала весьма необычно даже для советского правопорядка: «Отменить существующее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке». Проблема внебрачной беременности и рождения внебрачного ребенка становилась теперь проблемой женщины и общества, но не биологического отца. «Из трех “ударов” по семье самый чувствительный и драматичный последовал в адрес правовых норм о внебрачном родителстве и детстве» [Тарусина Н.Н., 2022: 71].

Не вытекающим из преамбулы Указа 1944 г., но весьма вероятным с идеологической точки зрения дополнительным мотивом отмены возможности обращения женщин в суд с иском об установлении отцовства могло быть нахождение на территории страны большого контингента германских военнопленных. После окончания войны на территории СССР осталось около 3,5 млн. военнопленных из Германии и союзных с ней стран, которые в основном содержались в специальных лагерях и привлекались к восстановлению народного хозяйства СССР³. Многие из них вступали в связи с советскими женщинами [Икута М., Пушкарева Н.Л., 2019]; [Карнер С.К., 2019: 176]. Рассмотрение народными судами исков советских гражданок к пленным оккупантам выглядело бы очень двусмысленно.

³ «Запретная любовь»: почему женщины в СССР заводили романы с пленными немцами. Available at: URL: https://news.rambler.ru/other/38806720/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 06.12.2023)

А главное, комплекс мер, направленных на рост населения и опирающихся на его главные детерминанты (рождаемость, смертность и миграцию) [Шульц М., 2021: 5], должен строиться с пониманием того, что рождение ребенка в интернациональном союзе и признание ребенка плодом отношений с иностранцем нередко приводит к миграции одного из родителей к месту жительства другого. Демографические последствия миграции в ракурсе невысокого уровня жизни в СССР в этом случае были бы отрицательными именно для советского государства, которое и без того стало испытывать острую нехватку населения.

Понять глубину произошедших изменений в подходе к регулированию отношений можно, лишь обратившись к ситуации, имевшей место ранее. Согласно предшествовавшему семейному законодательству, если суд устанавливал, что несколько мужчин в момент вероятного зачатия были в близких отношениях с матерью ребенка, обязанность участвовать в расходах возлагалась на всех мужчин⁴. Конечно, при таком «коллективном отцовстве» мужчины вряд ли занимались воспитанием потомства [Замараева З.П., Новоселов В.М., 2012: 53], но правовая модель отношений существовала.

Норма ст. 29 Кодекса законов о браке, семье и опеке в редакции Указа Президиума Верховного Суда РСФСР от 16.04.1945 «Об изменениях Кодекса законов о браке, семье и опеке и Гражданского процессуального кодекса РСФСР», приобрела совершенно иное звучание и диаметрально отличающийся смысл: «Мать не вправе обратиться в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке». Вероятно, решение законодателя было особенно травматичным для общественного сознания в связи с исчезновением предшествующей возможности судебного установления отцовства не только индивидуального, но и отцовства коллективного.

Советские граждане попали в масштабный демографический эксперимент, в рамках которого проверялось усвоение новых, чрезвычайно по содержанию и условиям реализации правил поведения, в рамках которых «многоженство и безответственность мужей стали одной из центральных проблем семейных отношений в советском обществе» [Замараева З.П., Новоселов В.М., 2012: 54].

---

⁴ Ст. 144 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г., принятого ВЦИК 16.09.1918 // СПС Консультант Плюс; ст. 32 Кодекса законов о браке, семье и опеке, принятого ВЦИК 19.11.1926 // СПС Консультант Плюс.

Социальная среда определяет стратегию репродуктивного поведения личности. Если бы не Война, если бы не гибель значительной части мужчин и не одиночество женщин, указанные решения скорее всего не были бы приняты. Выработанная тогда правовая стратегия стала альтернативой узаконению многоженства и одновременно фактическим поощрением множественности фактических семейных отношений. Такое положение просуществовало четверть века — период, необходимый для сглаживания тяжких последствий войны.

4. Усложнение процедуры расторжения брака

Усложнение процедуры расторжения брака было направлено на сохранение скорее видимости семейных отношений, нежели собственно семьи. Сам круг семейных отношений оказался искусственно сужен в одночасье упразднением института фактических брачных отношений. Лицам, фактически состоящим в брачных отношениях, давалось право оформить свои отношения путем регистрации брака с указанием срока фактической совместной жизни (п. 19 Указа 1944 г.).

Указ Президиума Верховного Суда РСФСР от 16.04.1945 «Об изменениях Кодекса законов о браке, семье и опеке и Гражданского процессуального кодекса РСФСР» вносил коррективы и в процедуру развода, обеспечивая реализацию общесоюзных правовых решений на более низком уровне. Теперь в силу ст. 18 Кодекса законов о браке, семье и опеке при жизни супругов брак мог быть прекращен только путем развода через суд по заявлению одного или обоих супругов. Требовалось опубликовать в местной газете объявление о возбуждении судебного производства о разводе за счет супруга, подавшего заявление о расторжении брака (ст. 19). Народный суд принимал меры к примирению супругов (ст. 20), а решение о расторжении брака по иску могло быть вынесено только судами второго звена — краевым, областным, окружным, городским судом или верховным судом автономной республики и только в случае признания необходимости расторгнуть брак (ст. 21 и 22). Таким образом, развод советских граждан становился поводом для самого широкого общественного обсуждения.

5. Моральное поощрение материнства

Матери, родившей и воспитавшей 10 детей, согласно Указу 1944 г. присваивалось почетное⁵ звание «Мать-героиня» с вручением соот-

---

⁵ С 1980 года в нормативных актах идет речь о «высшей степени отличия» — звании «Мать-героиня»; слово «почетное» не используется (Указ Президиума ВС

ветствующего ордена. Звание «Мать-героиня», а также награждение орденами «Материнская слава» и медалями «Медаль материнства» производилось по достижении последним ребенком возраста одного года и при наличии в живых остальных детей этой матери. При награждении матери принимались во внимание дети, погибшие или пропавшие без вести на фронтах Отечественной войны.

Меры морального стимулирования являлись для советских граждан важными средствами покрытия потребности в общественном признании. Материнство занимало и занимает уникальное положение на стыке биологии и культуры. Как культурное явление оно позволяет воспроизвести потомство, проникнутое значимыми для соответствующего социума идеями [Pathak M., 2022: 280].

Российский опыт прославления матерей отчасти напоминал опыт индийского общества с «прославлением без расширения прав и возможностей» — стратегией утешения, в которой героизация одновременно является средством фиксации гендерного неравенства [Sarkar S., 2020: 3–4].

Сегодня звание «Матери-героини» присваивается матери, являющейся гражданкой Российской Федерации, родившей и воспитавшей 10 и более детей, являющихся гражданами России. Данное высшее звание возвращено в позитивное право России⁶, что, по-видимому, свидетельствует о готовности государства обращаться к накопленному историческому опыту.

Э. Россман, видящая исторические аналогии в нормативном описании механизма героизации матерей в 1944 и 2022 гг., отмечает: «Решения, принятые во время и после Второй Мировой войны под рубриками “семейного права” и пронатализма, создавали общество несостоятельных браков, “безотцовщины” и абортной культуры» [Россман Э., 2022: 119].

При взгляде на правовые решения с дистанции восьми десятилетий можно увидеть отдельные их недостатки и образовавшийся дисбаланс. Как в советский, так и в современный период вне поля зрения правотворца осталась необходимость признания заслуг перед обществом многодетных отцов, добросовестно выполняющих перед своими детьми обязанности по содержанию и воспитанию.

Картина не будет полной, если не сказать о борьбе с криминальными абортами. Адекватная контрацептивная политика в СССР

СССР от 18.07.1980 № 2523-Х «О внесении изменений в некоторые законодательные акты СССР» // СПС Консультант Плюс.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 15.08.2022 № 558 «О некоторых вопросах совершенствования государственной наградной системы Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

фактически отсутствовала, как следствие — ограничение рождаемости базировалось на практике абортотворения [Кринко Е.Ф., Суший С.Я., 2020: 846], которые в период 1936—1955 гг. были возможны на законных основаниях только по медицинским показаниям [Бибнева Т. Н., Раевская О.А. и др., 2020: 28]. В силу ст. 140-б УК РСФСР⁷ производство абортотворения, кроме случаев, когда это разрешалось законом, влекло для самой беременной женщины в первый раз — общественное порицание, а при повторном нарушении — штраф до 300 рублей⁸.

Рассчитывать на повсеместное выполнение уголовно-правового запрета не приходилось, да и указанная норма была сформулирована так, что, по-видимому, не наводила ужаса на советских граждан. Статья 31 Указа 1944 г. определяла: «Органам прокуратуры, в соответствии с действующим уголовным законодательством, привлекать к ответственности виновных в незаконном производстве абортотворения, в понуждении женщин к производству абортотворения, в оскорблении и унижении женщины-матери, в злостном неплатеже алиментов на содержание детей». Она была призвана обозначить новые приоритеты уголовно-правовой политики. Доведение до сведения общественности информации об уголовно-правовых запретах имело большую важность: в среде молодежи совершение преступлений в условиях отсутствия знаний об ответственности было широко распространено [Романов Р.Е., 2019]. Впрочем, рост внебрачных рождений поглощался увеличением количества нелегальных абортотворений [Исупов В.А., 2015: 17]: советские граждане продолжали усвоенные практики, не взирая на новый виток борьбы с последними.

Заключение

Принятие во внимание человеческих потребностей является частью любой серьезной правовой стратегии. Взгляд на события 80-летней давности с учетом современных знаний из области нейробиологии, когнитивистики и репродуктивной психологии позволя-

---

⁷ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» // СПС Консультант Плюс.

⁸ Статья была введена Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 10.05.1937 «Об изменении действующего законодательства РСФСР в связи с Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 27.06.1936 «О запрещении абортотворения, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СПС Консультант Плюс.

ет говорить, что советское государство прибегло к стимулированию демографических процессов на основе передовых для того времени понятий о системе потребностей человека. Использованный подход оценивался как необходимый и вполне действенный на протяжении четверти века, но он был чреват серьезными социальными последствиями.

Академик П.В. Симонов (1926–2002) выделял витальные, ролевые (зоосоциальные) потребности и потребности саморазвития [Симонов П., 2023: 21, 26, 37]. Значимость трудов академика по мотивации поведения признаются современными исследователями [Дубынин В.А., 2022: 45]; сам он связывал возможность такого деления потребностей с достижениями его предшественников И.М. Сеченова (1829–1905), И.П. Павлова (1849–1936), А.А. Ухтомского (1875–1942), Л.С. Выготского (1896–1934), А.Р. Лурии (1902–1977), труды которых скорее всего были известны специалистам, занимавшимся практическими проблемами демографии в советском государстве.

Удовлетворение витальных потребностей (пищевые, питьевые, регуляции сна, оборонительные, экономии сил) обеспечивает индивидуальное и видовое сохранение живых существ. Ролевые (зоосоциальные) потребности «могут быть реализованы только путем взаимодействия с другими особями своего вида» и «лежат в основе полового, родительского, территориального поведения, в основе феномена эмоционального резонанса (“сопереживания”) и формирования групповой иерархии, где отдельно взятая особь неизменно выступает в роли брачного партнера, родителя или детеныша, хозяйина территории или пришельца, лидера или ведомого».

Потребности в саморазвитии проявляются в таких видах деятельности, как исследовательское поведение, рефлекс сопротивления (свободы), превентивной «вооруженности» (имитационной и игровой). «Для рефлексов саморазвития наиболее характерен тот факт, что они не связаны с индивидуальной и видовой адаптацией к наличной в данный момент существующей ситуации. Образно говоря, безусловные рефлексы саморазвития обращены к будущему, ориентированы на освоение новых пространственно-временных сред» [Симонов П. В., 2023: 26, 37–38].

Демографическая политика Советского Союза периода Великой Отечественной войны была нацелена на стимулирование репродуктивного поведения за счет игры на витальных и ролевых потребностях человека. Потребность саморазвития, ценность непосредственной передачи отцовского опыта детям вписать в рамки указанной стратегии оказалось практически невозможно.

Советскую демографическую политику, связанную со стимулированием деторождения, допустимо назвать «антисемейной», если исходить из традиционного понимания семьи. Запрет на иск об установлении отцовства и другие меры, принятые государством в условиях нехватки мужчин для построения полноценных моногамных отношений, своим содержанием стимулировали репродуктивное поведение советских граждан, приводящее к появлению неполных семей или передаче детей на воспитание детским учреждениям.

Изменение общественной морали — появление терпимости к мужчинам, безразличным к судьбе потомства, приведшее к усугублению проблемы безотцовщины, — стало «побочным эффектом» радикального обновления семейного законодательства и изменения норм о социальном обеспечении граждан. Ограниченность материальных ресурсов, которыми располагал средний гражданин советского периода, его возможностей заработать на достойную жизнь, конечно, определяли и поведенческую стратегию, недостаток поддержки внебрачных детей и общения с ними, а нередко — и полный отказ от них.

Винить советское государство и его руководство в промахах, допущенных в семейно-демографической политике, проводимой на основе принятых в области права мер, трудно. Альтернатива данным решениям не является очевидной даже сегодня — с большой дистанции времени. Развитие событий, последовавших за началом крупнейшей в истории человечества Войны, в том числе системные изменения в семейной жизни советских граждан, оказались подчинены беспощадной логике военного времени.

Список источников

1. Бебнева Т.Н., Раевская О.А., Константинова Б.С. Контрацептивная политика государства в решении демографических проблем // StatusPraesens. Гинекология, акушерство, бесплодный брак. 2020. № 6. С. 24–33.
2. Вударски А., Ульянова М.В. Правовой статус биологического отца в случае множественности отцовства: европейский сравнительный анализ // Lex russica. 2022. Т. 75. № 1. С. 147–163.
3. Дубынин В.А. Мозг и его потребности: От питания до признания. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 572 с.
4. Журавлева О.О. Налогово-правовые меры поддержки семей // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 5. С. 92–105.
5. Замараева З.П., Новоселов В.М. Особенности трансформации института отцовства в советский период // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 53–56.

6. Зыков С.В. Осуществление права отцовства в современной России: право-применительные и законодательные препятствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 44–71.
7. Икута М., Пушкарева Н.Л. Советские женщины и японские интернированные: анализ повседневных практик в ракурсе гендерной истории (1945–1956 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3. С. 51–66.
8. Исупов В.А. Рождаемость населения России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 3–18.
9. Карнер С.К. вопросу о мотивах советских граждан, оставшихся в Австрии после Второй мировой войны // Исторический курьер. 2021. № 3. С. 173–179.
10. Комиссарова Е.Г. Отношения по фактическому воспитанию ребенка: проблемы семейно-правовой институционализации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 130–153.
11. Корнилов Г.Е. Влияние Великой Отечественной войны на воспроизводство населения (на материалах Молотовской области) // Новейшая история России. 2021. № 2. С. 339–355.
12. Кринко Е.Ф., Суций С.Я. Демографические процессы в южных краях и областях РСФСР в период Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. № 4. С. 844–863.
13. Лян Х. Демографическая политика в России: исторический аспект // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 2. С. 33–43.
14. Медушевская О.М. Источниковедческая компаративистика и образовательная модель гуманитарного знания // Новый исторический вестник. 2004. № 1. С. 5–18.
15. Романов Р.Е. Пассивный протест рабочей молодежи Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны («письма во власть») // Исторический курьер. 2019. № 5. С. 138–146.
16. Россман Э. Мобилизуя одиноких матерей: демографическая политика в послевоенном СССР // Демографическое обозрение. 2022. № 2. С. 119–122.
17. Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. и др. Семейно-демографическая политика в контексте воспроизводства населения (страновый обзор) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 5. С. 1111–1116.
18. Симонов П. Мотивированный мозг. Высшая нервная деятельность и естественно-научные основы общей психологии. СПб.: Питер, 2023. 288 с.
19. Сомов В.А., Волкова Е.С. Советская ментальность: маркеры социально-исторической идентичности // Новейшая история России. 2022. № 4. С. 1035–1048.
20. Тарусина Н.Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7. С. 68–84.
21. Ульянова М.В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 658–682.
22. Цветанова М. Ергенский данък в исторически план и възможности завъ в еждането му в съвременето // Юридическо списание на НБУ. 2022. № 2. С. 104–120.
23. Шульц М. Семейная политика Германии в контексте решения демографических проблем // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 1. С. 4–11.

24. Asadova O.H. The Second World War in the Uzbekistan SSR: changes in tax over the years. *Frontline social sciences and history journal*, 2023, no. 4, pp. 44–49.
25. Bernhardt P., Holtzblatt J. Low-income childless individuals and the tax and transfer systems / 101st Annual conference on taxation. Wash.: National Tax Association Proceedings, 2008, pp. 156–163.
26. Pathak M. Warrior Mothers: Narratives of Women from the United Liberation Front of Assam. *Journal of International Women's Studies*, 2021, no. 9, pp. 271–284.
27. Sarkar S. «Working for/from Home»: An Interdisciplinary Understanding of Mothers in India. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 2020, no. 5, pp. 1–6.

References

1. Asadova O.H. (2023) The Second World War in the Uzbekistan SSR: Changes in Tax over the Years. *Frontline social sciences and history journal*, vol. 3, no. 4, pp. 44–49.
2. Bebneva T.N., Raevskaya O.A., Konstantinova B.S. (2020) Contraceptive Policy in Solving Demographic Problems. *Status Praesens. Ginekologiya, akusherstvo, besplodnyj brak*=Status Praesens. Gynecology, Obstetrics, Infertile Marriage, no. 6, pp. 24–33 (in Russ.)
3. Bernhardt P., Holtzblatt J. (2008) Low-income Childless Individuals and the Tax and Transfer Systems. In: 101st Annual conference on taxation papers. Washington: National Tax Association Proceedings, pp. 1111–1116.
4. Dubynin V.A. (2022) *The Brain and its Needs: From Nutrition to Acknowledgment*. Moscow: Alpina, 572 p. (in Russ.)
5. Ikuta M., Pushkareva N.L. (2019) Soviet Women and Japanese Internees: an Analysis of Everyday Practices in the Perspective of Gender History (1945-1956). *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*=Bulletin of Perm University. History, no. 3, pp. 51–66 (in Russ.)
6. Isupov V.A. (2015) The Birth Rate in Russia in 1939–1945. *Rossiyskaya istoriya*=Russian History, no. 1, pp. 3–18 (in Russ.)
7. Karner S. (2021) On the Issue of Soviet Citizens' Rationale Behind the Decision to Remain in Austria after World War II. *Istoricheskij kur'er*=Historical Courier, no. 3, pp. 173–179 (in Russ.)
8. Komissarova E.G. (2021) Relations on Actual Upbringing of a Child: Family and Legal Institutionalization. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, vol. 14, no. 1, pp. 130–153 (in Russ.)
9. Kornilov G.E. (2021) The Impact of the Great Patriotic War on Population Reproduction (On the materials of the Molotov Region). *Novejshaya istoriya Rossii*=Contemporary History of Russia, no. 2, pp. 339–355 (in Russ.)
10. Krinko E.F., Suschij S. Ya. (2020) The Demographic Processes in the South of the RSFSR during the Great Patriotic War. *Novejshaya istoriya Rossii*=Contemporary History of Russia, no. 4, pp. 844–863 (in Russ.)
11. Liang H. (2019) Demographic Crisis in Russia: Historical Aspect. *Mir russko govoryashchih stran*=World of Russian-speaking Countries, no. 2, pp. 33–43 (in Russ.)
12. Medushevskaya O.M. (2004) Comparative Studies in Sources and Educational Model of Humanitarian Knowledge. *Novyi istoricheskii vestnik*=New Historical Bulletin, no. 1, pp. 5–8 (in Russ.)

13. Pathak M. (2021) Warrior's Mothers: Narratives of Women from the United Liberation Front of Assam. *Journal of International Women's Studies*, no. 9, pp. 271–282.
  14. Romanov R.E. (2019) Passive Protest of Working Youth of Novosibirsk Region during the Great Patriotic War ("letters to the powers"). *Istoricheskij kur'er*=Historical Courier, no. 5, pp. 138–146 (in Russ.)
  15. Rossman E. (2022) Mobilizing Single Mothers: Demographic Policy in the Post-war USSR. *Demograficheskoe obozrenie*=Demographic Review, no. 2, pp. 119–122 (in Russ.)
  16. Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N. et al. (2021) The Family Demographic Policy in the Context of Population Reproduction: the Country-specific Review. *Problemy socialnoi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsini*=Issues of Social Hygiene, Health Care and History of Medicine, no. 5, pp. 1111–1116 (in Russ.)
  17. Sarkar S. (2020) «Working for/from Home»: an Interdisciplinary Understanding of Mothers in India. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, no. 5, pp. 1–6.
  18. Schulz M. (2021) German Family Policy in the Context of Solving Demographic Issues. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*=Bulletin of the Volga Region Institute of Management, no. 1, pp. 4–11 (in Russ.)
  19. Simonov P.V. (2023) *Motivated Brain. Higher Nervous Activity and Natural Academic Foundations of General Psychology*. Saint Petersburg: Piter, 288 p. (in Russ.)
  20. Somov V.A., Volkova E.S. (2022) Soviet Mentality: Markers of Socio-Historical Identity. *Novejshaya istoriya Rossii*=Modern History of Russia, no. 4, pp. 339–355 (in Russ.)
  21. Tarusina N.N. (2022) Single Motherhood as a Social and Legal Phenomenon. *Zhurnal rossijskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 7, pp. 68–84 (in Russ.)
  22. Tsvetanova M. (2022) Tax for Unmarried and Childless Persons (Bachelor Tax) in Historical Perspective and Possibilities for its Establishment in Modern Times. *Yuridicheskoe spisanie na NBU*=Legal Magazine of the NBU, no. 2, pp. 104–120 (in Bulgarian)
  23. Ulianova M.V. (2022) Limits of the Exercise of Family Rights. *Vestnik Permskogo universiteta, Juridicheskie nauki*=Bulletin of Perm University. Legal Sciences, no. 5, pp. 658–682 (in Russ.)
  24. Wudarski A., Ulianova M. V. (2022) The Legal Status of the Biological Father in the Case of Multiple Paternity: A European Comparative Analysis. *Russkiy zakon*=Lex Russica, no. 1, pp. 147–163 (in Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.147–163.
  25. Zamaraeva Z.P., Novoselov V.M. (2012) Specifics of Fatherhood Transformation during the Soviet Period. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*=Theory and Practice of Social Development, no. 6, pp. 53–56 (in Russ.)
  26. Zhuravleva O.O. (2021) Tax and Legal Measures to Support Families. *Zhurnal rossijskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 5, pp. 92–105 (in Russ.)
  27. Zykov S.V. (2020) Implementing Rights of Fatherhood in Modern Russia. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 3, pp. 44–71 (in Russ.)
-

Информация об авторах:

В. А. Болдырев — доктор юридических наук, профессор.

Д. Н. Кархалев — доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

V.A. Boldyrev — Doctor of Sciences (Law), Professor.

D.N. Karkhalev — Doctor of Sciences (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 06.12.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted to editorial office 06.12.2023; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 17.06.2024.